
Владимир Ефимович Невлер

Н.А.ДОБРОЛЮБОВ и БОРЬБА за ВОССОЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.445-454

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012

[Ссылки на тематические материалы даны нами после текста статьи](#)

Будучи одним из идейных руководителей революционной демократии и сторонником революционного свержения самодержавия, Н. А. Добролюбов живо интересовался международным революционным движением — историческим опытом человечества. В литературных работах Добролюбов не раз останавливался на революционных движениях древней, средней и новой истории. Добролюбовым написан ряд исторических статей и очерков по актуально-политическим вопросам своего времени.

Одним из актуальных вопросов международной политики периода литературной деятельности Добролюбова (1856—1861) был «итальянский вопрос». Добролюбов посвятил борьбе за воссоединение Италии ряд крупных статей — «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», «Отец Александр Гаваци и его проповеди», «Непостижимая странность» и ряд других. Отношение Добролюбова к национально-освободительному движению Италии и его оценка роли различных классов в этом движении важны для выяснения его политических взглядов. Интерес к статьям Добролюбова об Италии усиливается еще и тем, что большинство из них он писал в самой Италии, будучи свидетелем решающих схваток в борьбе за воссоединение страны.

В мае 1860 г. Добролюбов, по настоянию Чернышевского и Некрасова, вынужден был поехать за границу лечиться. В это время начался славный поход Гарибальди со знаменитой «тысячей» волонтеров в южную Италию, чтобы освободить Сицилию и Неаполь от тирании Бурбонов. Революционное движение усилилось и в герцогствах Центральной Италии как протест против предательского окончания войны с Австрией сардинским королем Виктором-Эммануилом II. Уделив некоторое время лечению в Швейцарии и на юге Франции, Добролюбов спешит в Италию. В Неаполе и в Милане, в Мессине и во Флоренции, в Палермо и в Ливорно, в Генуе и в Турине — везде, где происходили революционные события, побывал Добролюбов. В качестве очевидца Добролюбов писал свои корреспонденции для «Современника», который он редактировал вместе с Чернышевским. В этих статьях содержится глубокий анализ; они поражают ясностью в показе классовых противоречий тогдашней итальянской действительности. Свои статьи Добролюбов пишет не как посторонний наблюдатель, а с глубокой страстностью революционного борца. Он с высоким мастерством, яркими красками и со свойственным ему сарказмом и остротой рисует различные фигуры представителей итальянской буржуазии и обуржуазившихся помещиков, определяя их стремления и классовые интересы. При этом, чтобы обойти рога́тки царской цензуры, Добролюбов нередко передает свою мысль как мнение какого-то другого автора или представителя

той или иной партии. Но нетрудно понять, чье мнение является мнением самого Добролюбова.

I

Не являясь марксистом, Добролюбов стоял по условиям своего времени на довольно высоком уровне понимания роли классовой борьбы в истории. В борьбе за воссоединение Италии, например, Добролюбов правильно отмечает два основных лагеря и определяет интересы каждого из них: это — народные массы всей Италии, стремившиеся к объединению Италии революционным путем и крупная пьемонтская буржуазия и обуржуазившиеся помещики, стремившиеся к объединению Италии «сверху», вокруг сардинской монархии. Оценка Добролюбовым классовых сил в итальянской революции близка к оценке, которую давали К. Маркс, Ф. Энгельс, а впоследствии и В. И. Ленин.

Добролюбов дает следующую характеристику отмеченных им двух лагерей: «Одно средство (воссоединения Италии.— В. Н.) было национальное, прямое, решительное, рассчитывающее на силы и участие народов всей Италии. Это средство в 1832 г. постоянно было проповедуемо радикальной партией (т. е. республиканской партией Мадзини.— В. Н.). В нем независимость Италии не отделялась от ее гражданской свободы и опиралась на политическое единство..., освобождение ее не только от австрийского, но и от *всякого* иностранного влияния, организация государства с представлением самых широких прав народу и с устройством самых надежных средств для действительного пользования этими правами».

«Другая программа,— говорит Добролюбов,— была гораздо уже и беднее, но... легче для исполнения и менее стеснительна для значения и привилегий пьемонтского министра (т. е. Кавура — лидера монархической буржуазии и обуржуазившихся помещиков.— В. Н.) и его правительства. Это был дипломатический расчет парализовать на полуострове влияние Австрии другим влиянием — французским, с надеждою отвоевать у Австрии, при помощи Франции, Ломбардо-Венецианское королевство»¹.

И Добролюбов далее указывает, что эта вторая программа отражает интересы савойской династии и что боязнь народной революции заставляет пьемонтскую буржуазию поддерживать планы сардинско-пьемонтской монархии.

В своих статьях об Италии Добролюбов останавливается, главным образом, на двух важнейших этапах борьбы за воссоединение: на революции и первой австро-итальянской войне 1848—1849 гг. и на австро-франко-итальянской войне и революции 1859—1860 гг.

Останавливаясь на существовавших в итальянских государствах произволе и гнете, вызывавших революционные волнения, Добролюбов указывает на причины либеральных реформ, предпринятых итальянскими правительствами накануне революции 1848 г. Он указывает, что эти реформы показали, «до какой степени стало невозможно итальянским правительствам держаться в прежних отношениях к народу». «Либеральные меры правительств Италии перед 1848 г. были следствием страха перед тем решительным положением, какое было принято народом», — писал Добролюбов². Он разоблачает своекорыстность и трусость пьемонтской

¹ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Беффо Кавура. Полное собрание сочинений, т. V, М., 1941, стр. 158—159. Все ссылки в дальнейшем даются на указанное издание.

² Н. А. Добролюбов. Соч., т. V, стр. 141.

буржуазии, начавшей требовать реформ, когда «сам Кавур слышал уже приближающуюся силу «народных криков»». Добролюбов очень много писал о Кавуре как типичном представителе «пьемонтского либерализма», стремившегося воссоединить Италию под короной савойской династии. И Добролюбов указывает, почему именно накануне революции 1848 г. этот тип «либерализма» появился на политической арене. Сравнивая Кавура с известным французским мракобесом и правым политическим деятелем периода Второй империи графом Монталамбером, Добролюбов писал: «Для того, чтобы свобода не была уж слишком свободна оба графа (Кавур и Монталамбер.— В. Н.) готовы на все. И, во-первых, они любят, чтобы она была не взята, а дарована, пожалована, так сказать... Они соображают, что когда люди получают свободу свою «по милости», по великодушию других, то они будут всегда скромнее и спокойнее, нежели когда они вообразят, что свобода это их право и что получением этого права они обязаны самим себе. Вот почему граф Кавур, с графом Бальбо и еще несколькими графами и маркизами, еще в 1848 г. печатали в «Risorgimento» прошение к королю Фердинанду, чтобы он сделался либералом»³.

Но реформы не помогли. 12 января 1848 г. восстали народные массы Палермо (столица Сицилии), а затем революция разразилась по всей Италии. 22 марта в результате героической борьбы восставших народных масс было сброшено господство австрийцев в Ломбардо-Венецианской области. В Ломбардии и Венеции были учреждены временные республиканские правительства, сразу начавшие войну с Австрией и призывавшие к участию в ней народные массы всей Италии. Во главе быстро сформированной временными правительствами Ломбардии и Венеции армии волонтеров, состоявшей преимущественно из рабочих и ремесленников, встал народный герой Джузеппе Гарибальди. Героически сражались гарибальдийцы, и им на помощь стекались народные массы со всех концов страны.

Видя энтузиазм народных масс в борьбе с австрийскими угнетателями, либеральная буржуазия также начала призывать пьемонтское правительство к войне с Австрией. Однако, боясь призвать народные массы к борьбе против иностранного ига и ведя кровавую борьбу против республиканской партии Мадзини, пьемонтская монархическая буржуазия вынуждена была призвать к иностранной помощи в борьбе с Австрией. Эту помощь, по мнению идеолога и вождя монархической буржуазии графа Кавура, должна была оказать Франция. Но Кавур, как и сардинский король Карл-Альберт, не сразу решился обратиться к Франции за помощью в своей борьбе против объединения Италии революционным путем. И Добролюбов указывает причину этого: «Сначала... он (Кавур.— В. Н.) побаивался Франции,— когда там была республика, и предлагал даже обратиться к Англии... Но вскоре во Франции выяснилось значение Людовика Наполеона, а после *coup d'état* невозможны стали уже никакие сомнения»⁴.

Как известно, французская реакция откликнулась на зов итальянской реакции: именно при помощи штыков Наполеона, пославшего экспедиционный корпус генерала Удино (уже после того как он был избран президентом Франции), была задушена итальянская революция 1848—1849 гг.

³ Н. А. Добролюбов. Два графа. Соч., т. V, стр. 70.

⁴ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Соч., т. V, стр. 159.

Однако итальянская революция 1848—1849 гг. погибла не только в результате иностранной интервенции. Были и другие причины: слабое участие крестьянства в революции, что отчасти являлось следствием неправильной политики мадзиниевской партии в крестьянском вопросе; слабость партии революционной буржуазии, ее разношерстность и др. И часть из этих причин Добролюбов вскрывает. Указав на использование кавуровской кликой в своих интересах революционной части буржуазии, Добролюбов пишет: «...Если б Италия повела до конца все дело так, как начала его, т. е. революционным путем, то она точно сама собою справилась бы со своими врагами...» «Дело итальянцев в 1848—1849 гг. было потеряно именно оттого, что народное движение в Верхней Италии было возбуждено хоть и довольно сильно, но все-таки недостаточно», — писал Добролюбов⁵.

Добролюбов, поддерживал целиком мадзиниевскую партию в ее борьбе за объединение Италии революционным путем, умел вскрыть отдельные ошибки Мадзини и критиковал его за них. Занимая антирелигиозные позиции, Добролюбов писал по поводу туманных и мистических лозунгов Мадзини: «Человек этот (Мадзини.— *В. Н.*), без всякого сомнения, сильно ошибался в половине своих идей, резюмированных в его девизе «Dio e popolo»⁶ (бог и народ). Здесь Добролюбов выступает против фантастического приплетения бога к революции. За этот мистицизм Маркс и Энгельс резко критиковали Мадзини⁷.

II

После того, как революция была задущена, монархическая буржуазия Пьемонта опять начала строить свои планы объединения Италии «сверху». А этого нельзя было совершить без помощи бонапартистской Франции. Удобным поводом для того, чтобы вновь заручиться помощью Бонапарта, послужила Крымская война. Добролюбов указывает на предательскую роль пьемонтской монархической буржуазии и савойской династии в деле объединения Италии. Он разоблачает ложь, будто бы участие Сардинии в крымской экспедиции принесло Италии объединение, и вскрывает истинные причины этого участия. Добролюбов следующим образом излагает затем свои выводы: «Наполеон хотел вовлечь Австрию в войну с Россией. Австрия, ведя, по обычаю, двойную игру, отвечала, что она не может согласиться на это, ввиду угрожающего положения Пьемонта. Тогда император французов взялся уладить дело и послал в Турин такого рода депешу: «Для успокоения подозрений Австрии, Пьемонт должен или 1) распустить войска, или 2) допустить Австрию поставить гарнизон в Александрии, или 3) послать 30 000 в Крым». Из этих трех условий, последнее было, разумеется, наиболее благовидным и наименее постыдным. Нечего делать — сделали заем в 50 миллионов, снарядили 15 000 и послали»⁸.

Как известно, участие сардинской армии в битве при Черной речке стоило итальянскому народу 4 тыс. своих сынов, а единственным резуль-

⁵ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура, Соч., т. V, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 157.

⁷ К. Маркс. Письмо к Вейдемейеру от 11 сентября 1851 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 112.

⁸ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Соч., т. V, стр. 161—162.

татом участия Сардинии в Крымской кампании было то, что сардинским уполномоченным дозволили участвовать на Парижском конгрессе 1856 г. «Правда, Пьемонт ничего не получил себе за свое усердие,— говорит Добролюбов,— *выгоды* не были разделены. Но зато при окончании конгресса, граф Кавур изложил перед дипломатами нужды Италии... Дипломаты выслушали, сказали, что не имеют на этот счет никаких полномочий, и конгресс разъехался...»⁹.

Подытоживая результаты Крымской кампании и Парижского конгресса, Добролюбов пишет: «Мне представляется очень диким— считать единство Италии следствием крымской экспедиции сардинцев...»¹⁰ «Со времени Парижского конгресса протекторат Франции над Пьемонтом был решен»¹¹.

Вследствие позорных результатов участия Сардинии в ненужной для Италии войне усилилось недовольство масс, создалась даже оппозиция в сардинском «парламенте», состоявшем почти из одних кавуристов. Кавур вынужден был защищаться и доказывал выгодность крымского предприятия. Добролюбов приводит следующую цитату из выступления Кавура в палате с отчетом о Парижском конгрессе: «Правда,— говорил Кавур,— мы еще не достигли никаких положительных результатов, но тем не меньше мы сделали две вещи, по-моему самые существенные: во-первых, возвести Европе о положении итальянских дел, и главное — не в революционных сумасбродных журнальных выходках, а с приличной торжественностью, в могучем собрании высоких особ: во-вторых, Европе внушено убеждение, что уврачевать язвы Италии нужно не только для самой Италии, но и для всей Европы».

«Видите, значит, в чем дело,— язвительно высмеивает Кавура Добролюбов,— и прежде знали то, что сообщил Кавур, но знали от сумасбродных радикалов. Наполеон и Кавур не хотели, чтобы полезные сведения приходили таким гнусным путем, и поэтому перехватили их и представили от себя, хотя несколько и поздно. Это — раз. А другое — опять важное обстоятельство: итальянские патриоты, для поправки дел в Италии, требовали только, чтобы Европа не вмешивалась в эти дела; по изложению же графа Кавура выходило, что именно Европа-то и должна вмешиваться. Это опять объясняется тем же: для патриотов существовала Италия, а для Кавура — Пьемонт; патриоты хотели прогнать всякое чужеземное влияние, а Кавур — только австрийское»¹².

⁹ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Соч., т. V, стр. 162.

¹⁰ Там же, стр. 161.

¹¹ Там же, стр. 164.

¹² Там же, стр. 163.

Необходимо отметить, что эти блестящие добролюбовские оценки пьемонтской монархической буржуазии и ее вождя Кавура были не по вкусу не только русским либералам, но и тем, кто себя называл «наследниками» Добролюбова и других просветителей — «шестидесятников». Так, например, по поводу цитируемой статьи Добролюбова некая О. Орлова писала в 1898 г. в журнале «Русская мысль»: «Современник» в своих политических обозрениях относится враждебно или пренебрежительно к стремлениям и успехам графа Кавура... Добролюбов прямо глумится над графом Кавуром. Для молодого, прямолинейного критика теория Мадзини представляется тем идеалом, перед которым цели пьемонтского министра и его практические комбинации для достижения этих целей кажутся лишь отрицательными величинами». О. Орлова. Граф Камилло Кавур по его письмам и современным запискам. «Русская мысль», 1898, кн. I, стр. 110—111. См. также кн. II, III, VII, IX, X и XI.

Вот эта-то «прямолинейность молодого критика» и не правилась эпигонам народничества, превратившимся в буржуазных либералов. Сама же Орлова считает Кавура «великим мужем», «составлявшим красу истории его века».

Война не раз использовалась в истории правителями, искавшими выхода из внутривластного кризиса. И участие в крымской кампании нужно было крупной монархической буржуазии и помещикам Пьемонта для облегчения подавления национально-освободительного движения. Участием в Крымской войне сардинская монархия стремилась создать контрреволюционную коалицию против революционной Италии. Как мы видели, Добролюбов отчетливо вскрыл это.

Однако надежды монархической буржуазии не оправдались. После Крымской войны и последовавшего за нею Парижского конгресса народные массы усилили борьбу против своих и иностранных угнетателей. Подытоживая Крымскую кампанию и Парижский конгресс, Маркс писал: «Их (пьемонтцев.— В. Н.) собственная армия призывает их к ответу. Буржуазия снова должна будет искать опоры в народных симпатиях и увязывать национальное освобождение с социальным возрождением. Пьемонтский кошмар сброшен, дипломатические чары рассеяны, и вулканическое сердце революционной Италии снова начинает биться»¹³.

III

Когда через два года после Парижского конгресса революционное движение в итальянских государствах приняло бурный характер, буржуазно-монархические правители Сардинии опять начали бряцать оружием против Австрии, объявляя себя поборниками единства Италии. К новой войне с Австрией Сардинию подталкивал также и Наполеон III. О причинах стремления Наполеона к этой войне в свое время указывал Маркс: «Со стороны Франции есть угроза революции... Единственная возможность отсрочить революцию во Франции заключается в европейской войне. В такой войне Россия, Франция и Сардиния соединятся против Австрии»¹⁴.

Так, летом 1858 г. Кавур поехал в Пломбьер к Бонапарту, и там было подписано соглашение о войне. Добролюбов приветствует Мадзини и республиканскую партию, разоблачивших династические планы Бонапарта и Кавура. А планы монархической буржуазии Пьемонта, савойской и бонапартистской династии в этой войне заключались, как правильно указывал Добролюбов, в следующем: «Устроить войну так, чтобы обессилить в одно время и Австрию, и революционные партии; заплатить за Ломбардию уступкою Савойи и Ниццы; помогать устройству королевства Центральной Италии для принца Наполеона... и заключить мир с Австрией»¹⁵.

Эта оценка Добролюбовым планов войны 1859 г. полностью оправдалась. Важно отметить, что революционный демократ Добролюбов дал более правильную оценку планов Бонапарта в этой войне, чем видный деятель рабочего движения Германии Ф. Лассаль, считавший, что воссоединение Италии возможно лишь «сверху» — под покровительством Бонапарта и что в итальянской войне Луи Наполеон взялся за «большое, справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое» дело¹⁶. Маркс и Энгельс со всей силой обрушились на эту оппортунистическую оценку Лассаля.

¹³ К. Маркс. Сардиния. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 17.

¹⁴ К. Маркс. Положение в Пруссии. Там же, стр. 468.

¹⁵ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Соч., т. V, стр. 165.

¹⁶ F. Lassale. Der italienische Krieg und die Aufgaben Preussens, Gesam. Reden und Schriften, Bd. I, Berlin, 1919, S. 43.

Маркс и Энгельс указывали, что своим вмешательством в итальянскую войну Бонапарт хочет укрепиться на пошатнувшемся троне, задуть итальянскую революцию¹⁷. Аналогичную по существу оценку политики Наполеона III дал Н. А. Добролюбов.

Добролюбов писал, что вмешательством в австро-итальянскую войну Наполеон III стремился подавить итальянскую революцию: «Подавив гидру итальянской революции, правительство (Наполеона.— В. Н.) надолго упрочит существование нынешней системы, водворит спокойствие (читай: реакцию.— В. Н.) в Европе и будет иметь возможность в мире и тишине наверстать все потерянное»¹⁸.

Начавшаяся 30 апреля 1859 г. война велась недолго. Как только Наполеону удалось одержать некоторые победы над Австрией, он заключил мир с австрийским императором Францем-Иосифом (в Виллафранке, 11 июля) и вынудил к этому также Сардинию. Содержание мирного договора следующее: австрийский император уступает французскому императору Ломбардию, которую тот затем «дарит» Сардинии; Италия превращается в конфедерацию конституционных монархий под почетным председательством папы; изгнанные народной революцией из своих владений герцоги получают обратно свои владения и возвращаются в них; верховная власть в Венеции остается за Австрией.

Наполеон III, уверенный в раболепстве Сардинии, отправил сардинскому королю Виктору-Эммануилу II оскорбительную депешу: «Я заключил мир с императором австрийским. Австрия уступает мне Ломбардию, а я дарю ее Сардинии».

«Волн Адриатики и Средиземного моря мало, чтобы смыть позор этого подарка»,— восклицает с негодованием Добролюбов по поводу этой депешы¹⁹.

И за этот «дар» Ломбардии «савойяры» отдали Бонапарту Савойю и Ниццу, являвшуюся родиной народного героя Италии Гарибальди.

Подводя итоги войны 1859 г., Добролюбов писал, что эта война привела Италию «в такое же положение перед Францией, в каком до того была большая часть Италии перед Австрией». «В Риме,— писал Добролюбов,— стоят на неопределенное время французские войска, и под их покровительством работает там теперь реакция, постоянно возмущающая спокойствие южных провинций, да нередко забегающая и в другие части полуострова. В Турине же ничего не делается без предварительного разрешения тюльерийского кабинета. И выходит теперь, что вместо того, чтобы идти дружно с правительством, народ итальянский должен употреблять свои силы на то, чтобы стеречься против какого-нибудь предательства его интересов»²⁰.

Это предательское и капитулянтское окончание войны вызвало взрыв возмущения народных масс Италии, оно вызвало революцию в Южной и Центральной Италии. Гарибальди со своими славными волонтерами вновь показал беспримерное героизм в борьбе с внутренними и ино-

¹⁷ К. Маркс. Сладенькие речи. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 150—152; Ф. Энгельс. Савойя, Ницца и Рейн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 209.

¹⁸ Н. А. Добролюбов. Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для восстановления порядка в Италии. Соч., т. VI, стр. 165—166.

¹⁹ Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Соч., т. V, стр. 171.

²⁰ Там же.

странными угнетателями Италии, а сардинское правительство, по приказу Наполеона, послало свои войска, чтобы удушить революцию в Южной Италии и приостановить движение храбрых гарибальдийцев. Причем вначале правительство Сардинии и Кавур делали вид, будто поддерживают поход Гарибальди в Южную Италию. Это нужно им было для того, чтобы завоевать на свою сторону симпатии восставших народных масс; рисуя Сардинию как единственную «национальную монархию» Италии, они стремились распространить савойскую династию на всю Италию. Эту двуличную и династическую политику сардинского правительства Добролюбов полностью разоблачал. Уже в октябре 1860 г., сейчас же после завоевания Гарибальди Южной Италии, он писал: «...Как ни сильно честолюбие пьемонтского министерства, но боязнь революционных беспорядков в нем еще сильнее. Оно желает владеть Италией, но с помощью средств благоразумных и законных. Оно понимает, что в союзе с революционерами оно, может быть, и достигнет единства Италии, но ничего не выиграет для своего собственного значения. Поэтому положительного можно утверждать, что если граф Кавур не упускает случая воспользоваться даже и революцией для расширения своего значения, то ни в каком случае не рискнет он сам на революцию. Это дело других людей, в отношении к которым граф Кавур играет ту же роль, как Меттерних в отношении к либералам времени реставрации. Еще 25 лет тому назад Мадзини писал, что Пьемонт должен быть увлечен на путь реформ «идеєю о короне всей Италии», так точно как Неаполь должен быть приведен к этому силою. До сих пор события служили постоянным подтверждением этих предвещаний; но в них же самих нетрудно видеть и полное оправдание Пьемонта от сообщничества с революционерами...»²¹.

После подавления революции в Южной Италии сардинское правительство, при помощи 20-тысячной армии, посланной в Неаполь, вынудило Гарибальди отказаться от своей диктатуры и согласиться на присоединение Юга к Пьемонту. Монархическая буржуазия, воспользовавшись плодами народной революции, принялась учреждать «парламент». Добролюбов, живший в крепостнической России, очень интересовался формами правления в Западной Европе и, лечась в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и Италии, изучал здесь государственный строй. Находясь во время учреждения итальянского парламента в Генуе, Добролюбов направился в марте 1861 г. в Турин, чтобы воспользоваться случаем присутствовать на открытии парламента. Побывав на заседаниях парламента, он увидел классовую сущность его. В этом парламенте не было ни одного представителя трудящихся классов, он состоял почти из одних кавурцев. В статье, написанной в сатирической форме, Добролюбов отмечает, что итальянский парламент являлся «говорильней» эксплуататорских классов, не думающих об интересах народа. Добролюбов дает следующее яркое и живое описание первого заседания парламента:

«Президент предложил для прений проект закона, состоявший из единственной статьи: «Виктор-Эммануил II принимает (assume) для себя и для своих преемников титул короля Италии». О чем тут препираться, думаете вы? Принимает, так принимает — тем лучше. Рано немножко;

²¹ Н. А. Добролюбов. Непостижимая странность. Соч., т. V, стр. 57—58. Интересно отметить, что цензура «раскусила» настоящее значение данной статьи Добролюбова, с едкой иронией разоблачавшего политику сардинской монархии и давшего восторженные отзывы героизму Гарибальди. Разрешив печатать начало статьи, цензура запретила «Современнику» печатать ее окончание, которое было опубликовано лишь в первом собрании сочинений Добролюбова. Однако, не надеясь на возможность опубликования статьи, Добролюбов ее не закончил.

лучше бы подумать о Риме и Венеции, да об управлении южных провинций, да об устройстве судьбы волонтеров, об улучшении участи работников, о сложении подати на военные издержки с Ломбардии, о выработке общего кодекса для всех провинций, и пр. и пр. Я и думал, что ораторы станут говорить в этом роде: «царство, мол, Итальянское пусть будет царством, только подумаем же, как его устроить...» Но я очень ошибся в своих ожиданиях... Оказалось, что новый титул был предметом долгих мучительных споров, сначала в частных совещаниях, потом в сенате, потом в журналах, потом между влиятельными депутатами, прежде чем дошел до публичных прений в парламенте... Потом заспорили о том, как лучше сказать: король Италии или король итальянцев?... Одни говорили, что «король Италии» — представляет большую свободу личности, ибо относится только к стране, а не к обитателям; другие возражали, что напротив, «король Италии» значит как будто страна его собственность, между тем как «король итальянцев» говорит только, что он управлял итальянцами, будучи же ими избран к тому... Вопрос запутывался все более и более...»²².

Далее Добролюбов останавливается на средствах, какими монархическая буржуазия во главе с Кавуром стремилась обеспечить себе надежный парламент. Добролюбов говорит о «подкупе, обмане, устрашении и прочих административных мерах, употреблявшихся при выборах»²³. И это применялось в то время, когда, благодаря высокому цензу, народные массы вовсе не могли участвовать в выборах. Вот почему Добролюбов бичевал итальянских либералов за их робкие шаги в оформлении Италии в буржуазную монархию, и в его статьях звучит клич к восстанию народных масс для завоевания действительности народной свободы.

В результате первой и второй австро-итальянских войн и революций 1848 — 1849 и 1859—1860 гг. Италия не была полностью объединена. Венеция и Рим остались еще неприсоединенными и были присоединены лишь в 1866 и 1870 гг. Вследствие «отсутствия достаточной силы у демократических национальных движений»²⁴ итальянские революции 1848—1849 и 1860 гг. не привели к полному воссоединению Италии и к установлению демократической республики. Итальянские революции остались незаконченными. Но именно благодаря революции значительная часть Италии была воссоединена. Монархическая же буржуазия и савойская династия воспользовались незаконченностью революции и пожинали плоды народных побед. «Савойская династия присоединилась к революции и таким образом стяжала себе итальянскую корону», — писал Энгельс²⁵.

Как на важнейшую причину незаконченности итальянских революций и их поражения нужно указать на отсутствие сильной революционной партии, которая возглавила бы революционное национально-освободительное движение в Италии. Пролетариат еще был слишком слаб, чтобы играть самостоятельную роль и стать гегемоном движения.

В отдельные периоды гегемоном национально-освободительного дви-

²² Н. А. Добролюбов. Из Турина. Соч., т. V, стр. 92—93. Интересно отметить, что И. С. Тургенев выразил свое несогласие с острой критикой Добролюбовым итальянского парламента и Кавура: «Белинский никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов: он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризм...» (См. И. Тургенев. Воспоминания о Белинском. Соч., т. X, СПб., 1911, стр. 31).

²³ Там же, стр. 83.

²⁴ В. И. Ленин. Под чужим флагом. Соч., т. XVIII, стр. 104.

²⁵ Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 462.

жения в Италии была революционная часть буржуазии (мелкая и средняя), руководимая мадзиниевской республиканской партией. Но эта партия была разношерстной по своему классовому составу, что ослабляло ее как партию революционную. И соответственно классовому составу партии, теоретические взгляды ее вождя Мадзини представляли собой смесь идей утопического социализма с христианством. Мадзини был типичным сектантом. Особенно вредным для дела итальянской революции было его игнорирование крестьянства как движущей силы революции.

Некоторые ошибки республиканской партии и ее вождей сумел подметить и Добролюбов. Так, например, он отмечает оторванность мадзиниевской партии от масс, что ослабляло ее в борьбе с кавуристами: «Все дело в том, что партия оппозиции в Италии, как и везде, не связана с народом практически», — писал Добролюбов²⁶. Далее Добролюбов критикует Гарибальди за его колебания и нерешительность в проведении революционных мероприятий, когда он был диктатором Юга. Так, например, Добролюбов критикует Гарибальди за его отказ выполнить требования народных масс Неаполя о разрушении известной тюрьмы Сент-Эльмо, в которой побывали тысячи итальянских мучеников: «К сожалению, Гарибальди нашел это (разрушить тюрьму. — В. Н.) почему-то неудобным и успокоил народ тем обещанием, что отныне навсегда Сент-Эльмо будет предоставлен национальной гвардии Неаполя. После того, когда совершилось присоединение... уже не было для народа благоприятного случая возобновить свое требование, и Сент-Эльмо, памятник стольких ужасов, тюрьма и место казни стольких итальянских мучеников, до сих пор стоит над Неаполем, как будто грозя его новорожденной свободе»²⁷.

Мы видим, что революционный демократ Добролюбов сумел дать блестящий анализ позиций различных классов в борьбе за воссоединение Италии. В своих статьях Добролюбов горячо поддерживает борьбу народных масс Италии за воссоединение страны революционным путем, чтобы избавиться от своих «домашних» и иностранных угнетателей. И к такой же борьбе с могучей страстью Добролюбов призывал в этих статьях и русский народ.

Оценивая деятельность Добролюбова, Ленин писал, что Добролюбов был «дорог всей мыслящей России, как писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно жаждавший народного восстания»²⁸.

Статьи Добролюбова об Италии являются блестящей иллюстрацией этой ленинской оценки.

²⁶ Н. А. Добролюбов. Из Турина. Соч., т. V, стр. 85.

²⁷ Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди. Соч., т. V, стр. 123.

²⁸ В. И. Ленин. Начало демонстраций. Соч., т. IV, стр. 346.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей Г.Сандомирского)
М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция
М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
В.Невлер. К истории воссоединения Италии
М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение
К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.) и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)
К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)
К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди
Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера
Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.
В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии
И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>